

«Граждане, послушайте меня!» 1960.

и подобает поэту в этой стране. Даже собственный «социальный» сборник назвали «Итиминая лирика». Какую победу в бесчисленных баталиях вы считаете главной?

Так вот, два типа. Первая вульгарность — это такая кичевая, пошловатая, вульгарность разбитой, желтой или полужелтой журналистики. Когда читаешь иногда заметки о преступлениях, то просто диву даешься, как автор смакует эти преступления. Это вульгарно. Другая вульгарность — это вульгарность элитная, снобистская. Игра в высшее общество, интеллектуальные сливки, и эти две вульгарности где-то, пусть не очень видимо, но смыкаются. А снобизм — это замаскированная форма плебейства и больше ничего. И поэтому поэзия необходима всем, только не все люди об этом догадываются.

Евгений Александрович, если взглянуть на ваши старые «досье», то едва ли не самым ужасным жулом для нашего человека была «заграница». При этом вы, человек сомнительной лояльности, были, кажется, самым «выездным» в стране. Чем вы это объясняете?

«Во всяком полувосходе есть лена. Она пригласила меня. Она пригласила меня и в молодой литературе. Особенно в творчестве Евтушенко, Вознесенского, Окуджавы... Как метко сказал Л. Соболев: «На переднем крае такие устанавливают вместо пулеметного гнезда ресторанный столик»

«Чувство, которое мы испытали, прочитав «Исповедь» Евтушенко, в двух словах можно бы выразить так: «крайнее недоумение». Трудно решить чего здесь больше — наивности или невежества, самообольщения или откровенной хлестаковщины, заблуждения или политического юродства».

МОЕ БЫТИЕ

Мы отвоевывали территорию свободы — по миллиметрам

Солженицын первый ваш приглашенный? — Ну что вы! У меня первая приглашенная была мама, всегда мама. Евгений Александрович, так все же, юбилей это или нет? Ведь во всех справочниках год вашего рождения — 33-й. — Что тут говорить! Не только в справочниках, но и в паспорте. На самом деле круглая дата — 65 лет. Я родился в 32-м году, а не в 33-м, как у меня в паспорте. Почему так произошло? Это не ошибка. Это была когда-то такая веселая подделка. Когда я возвращался со станции Зима на родину... с моей родиной — станцией Зима — в Москву в 44-м году, там после определенного возраста детям нужны были пропуска, и мне переименовали дату, чтобы выехать в Москву без пропуска, вот и все. Как-то так укоренилось, и я употребляю везде 33-й год, а на самом деле родился в 32-м.

Его слава была подобна гагаринской. С той только пикантной разницей, что Гагарин был в офицозе, а он «то ли в Непале, то ли в опале». Президенты говорили ему «Женя», работяги наливали поровну, а провинциальные учителя вырезали трепетными ножницами из «Литературки» «В миг полуосени-полузими». От его фирменного «артистического» тембра неистовствовали стадионы и жельно гундосили за столиками ЦДЛ «товарищи по цеху». В чумовой стране, где нормой жизни был ранжир, а всякий выступивший из ряда рисковал схлопотать по морде за дерзость, оптимальными формулами славы целомудренно полагались: «популярный», «известный»... ну «выдающийся». Живой человек не имел права быть «знаменитым», ибо это противоречило уставным коллективистским канонам. Помните иерархические клише: кому какой эполет положен при жизни? Быть «легендарным» считалось не то, чтобы нескромным, а вовсе даже омерзительным. Зато теперь, когда свобода обрушилась на нас, как цунами, вдруг посыпались, словно горох из жестяного ведра, бесчисленные «легендарные» кумиры. Мы вкусили прелесть «индивидуализма» — «легенды» стали расхожими. А между тем «легенда» — это когда ты одновременно в энциклопедии, картотеке ГБ, заповедной девичьей тетрадке и бытовом фольклоре.

Мои песни пели бюрократы

Итак, свобода обернулась дурно пахнущей свалкой. — Как вам сказать. Одна женщина мне недавно сказала фразу, которая меня просто шокировала сначала, а потом... не знаю, хотя эта фраза умная, мудрая. Она сказала: «Вульгарность — это первый признак стабилизации». Скажу вот что. Сейчас образовалось два типа вульгарности. Не знаю, как насчет стабилизации вообще, но сама вульгарность, она довольно прочно стабилизировалась. — Как вы относитесь к тому, что многие из вас считают «досье» Евтушенко? — Это, конечно, очень интересная вещь. Редакция «Советского спорта» в 49-м году стояла как раз на том месте, где много лет спустя я как сопредседатель и один из основателей «Мемориала» открывал валун, привезенный с Соловецких островов. Очень запомнилась американская редакция, потому что все практически происходило в одной комнате. Она была между Лубянской и Политтехническим музеем. Удивительное географическое совпадение — эти два здания, с которыми практически так или иначе связаны вся моя жизнь. Я многое видел, когда носил туда стихи... У меня самими директорами двух ведущих, я в своем романе описал, как меня туда выдвинули, на Лубянку, как, впрочем, вызвали всех студентов Литинститута, даже Беллу Ахмадулину вызывали. И уговаривали, и толтали. — Они долго не оставляли вас своим вниманием? — Они следили за мной, и когда открыли архивы, я был просто потрясен тем, что, оказывается, доносы на меня писали не какие-то рядовые стукачи — хотя и они тоже, а начальники КГБ. Там есть доклад на меня Семинского. Постепенно КГБ перестал писать на меня доносы, что выглядело делом несколько по-кафкиански, потому что он писал на меня в Политбюро, являясь сам членом Политбюро. — Видимо, они полагали вас за «объект», достойный их персонального высокого внимания. — Я думаю, что тут играла роль его поэтическая ровность — он же был совершенно безнадежно скучным поэтом. Я его назвал в своем романе: «автор сонетов и психушек». Несколько раз видел Берия, который очень медленно проезжал в то время, когда я в такой подранной маечке, модных широких шароварх нес свои стишата в редакцию «Советского спорта». — Как вам сейчас те стихи, вы уже сказали... — Большая жизнь прошла. Стихи эти первые были плохие, если оглядываться назад, то семьдесят процентов того, что я написал — это плохие стихи, искренние, но плохие. И если бы меня заподозрили в излишней скромности, то сделав бы большую ошибку, потому что я напечатал примерно 120—130 тысяч строк стихов, и если отнять 70 процентов как искренний, но все-таки мусор, то у меня останется не меньше чем 50 000 хороших строк — по моему мнению, разумеется. А 50 тысяч — это побольше, чем написал Тютчев.

«Если отместит 70% искреннего мусора, то останется 50000 хороших строк. Это больше, чем у Тютчева»

— Вы оглядываетесь назад с гордостью? — По-разному. Вы знаете, конечно, я написал огромное количество плохих стихов, потому что начал печататься в 15 лет, в сталинское время, в газетах, в газете «Советский спорт». Я вообще поражаюсь, как завлечущий отделом «Советского спорта» Николай Тарасов, который был сам неплохим поэтом, у него даже были такие прекрасные стихи о Москве, о девушках в Москве: — как он принимал меня? — Вы полагаете, для этого нужно было быть провинцем? — Кстати, очень интересная вещь. Редакция «Советского спорта» в 49-м году стояла как раз на том месте, где много лет спустя я как сопредседатель и один из основателей «Мемориала» открывал валун, привезенный с Соловецких островов. Очень запомнилась американская редакция, потому что все практически происходило в одной комнате. Она была между Лубянской и Политтехническим музеем. Удивительное географическое совпадение — эти два здания, с которыми практически так или иначе связаны вся моя жизнь. Я многое видел, когда носил туда стихи... У меня самими директорами двух ведущих, я в своем романе описал, как меня туда выдвинули, на Лубянку, как, впрочем, вызвали всех студентов Литинститута, даже Беллу Ахмадулину вызывали. И уговаривали, и толтали. — Они долго не оставляли вас своим вниманием? — Они следили за мной, и когда открыли архивы, я был просто потрясен тем, что, оказывается, доносы на меня писали не какие-то рядовые стукачи — хотя и они тоже, а начальники КГБ. Там есть доклад на меня Семинского. Постепенно КГБ перестал писать на меня доносы, что выглядело делом несколько по-кафкиански, потому что он писал на меня в Политбюро, являясь сам членом Политбюро. — Видимо, они полагали вас за «объект», достойный их персонального высокого внимания. — Я думаю, что тут играла роль его поэтическая ровность — он же был совершенно безнадежно скучным поэтом. Я его назвал в своем романе: «автор сонетов и психушек». Несколько раз видел Берия, который очень медленно проезжал в то время, когда я в такой подранной маечке, модных широких шароварх нес свои стишата в редакцию «Советского спорта». — Как вам сейчас те стихи, вы уже сказали... — Большая жизнь прошла. Стихи эти первые были плохие, если оглядываться назад, то семьдесят процентов того, что я написал — это плохие стихи, искренние, но плохие. И если бы меня заподозрили в излишней скромности, то сделав бы большую ошибку, потому что я напечатал примерно 120—130 тысяч строк стихов, и если отнять 70 процентов как искренний, но все-таки мусор, то у меня останется не меньше чем 50 000 хороших строк — по моему мнению, разумеется. А 50 тысяч — это побольше, чем написал Тютчев.

«Нас мало, нас, может быть, четверо»

— Та пледа, с которой вы начинали, они все, по-вашему, сохранили свое реноме? — Ну что такое реноме? — В данном случае намекаю на то, что вы недавно печатно похоснули одного соратника вашей боевой юности. — Ну что значит похоснул? Пошто я сейчас делаю передачу «Поэт в России больше, чем поэт». Это единственное во всем мире поэтическое, ну, условно говоря, шоу на телевидении. Я туда включал поэтов независимо от того, как я к ним отношусь. Недавно делал передачу о Вознесенском. Отношения у меня с ним, конечно, очень усложнились, к несчастью. По двум причинам. Первое. Потому что мне давно уже не нравятся его стихи и мне о ч е н ь не нравятся все его стихи, которые он посвящает на чью-нибудь смерть. — А во-вторых?

«Нас мало, нас, может быть, четверо»

— Да, в этом несчастье политики. Мы все, конечно, недовольны, во всех странах все недовольны своими правительствами, политиками, везде все воротит, и в Америке все то же самое. Когда садятся люди, интеллигенты, за стол, то, конечно, они ругают свое правительство, ругают налоги, экономическую политику. Но в этом есть какой-то замкнутый круг. Потому что сначала многие умные люди не хотят идти в политику, стоят в стороне, и вакуум заполняется людьми не очень талантливыми в других областях. — Видите альтернативы? — Людям нужны какие-то ясные формулировки. Я не имею в виду клетку идеологическую, в которую надо загнать народ опять. Но должен быть хотя бы какой-то абрис, рисунок, набросок, пусть гибкий, меняющийся, но набросок движения к будущему. — А кто это должен сделать? — Общество в целом. Конечно, я понимаю это не так примитивно: создавать какая-то команда, им поручается, они радятся. Это общество в целом вырабатывает. — Все же: кто часто говорит по делу? — У Окуджавы в последней его книжечке есть очень много мудрых советов, таких, как я сказал, советов казказского старца, который на некой вершине сидит и там не то чтобы пророчесствует (он никогда не разыгрывал из себя мессию, это мне было свойственно в ранней юности), но... Там есть очень точное одно стихотворение о том, что царства распадаются тогда, когда люди теряют уважение к самим себе. Нельзя, с одной стороны, стучать одной рукой по столу и

«Нас мало, нас, может быть, четверо»

говорить что-нибудь, предположим, против НАТО, а другую руку протягивать за милостью. — Комплекса неполноценности всегда, как водится, связан с комплексом превосходства. — Вы слышали о том, что в Москве впрямь не будут устанавливаться мемориальные доски на домах, где жили выдающиеся деятели литературы и искусства и вообще... потому что, видите ли, фасады Москвы перегружены мемориальными досками. Престиж каждой столицы определяется количеством знаменитых людей, составляющих национальную гордость той или иной страны. Чем больше мемориальных досок, тем это город качественнее в духовном смысле. Американы немедленно, как только Бернштейн умер — хороший композитор, конечно, но не такого уровня, как наши классики или немцы, — они немедленно назвали в честь него улицу. Да они хвастаются за любого своего знаменитого человека, потому что у них история молодая. А что мы делаем? — У них всегда культ личности доминировал, а у нас — толпы. — Но по отношению к писателям! Почему люди, которые жили в доме Трифонова, сами установили мемориальную доску в подъезде? Почему вдова Юрия Казакова ходит, мечется, чтобы поставить крошечную мемориальную доску? В то время, как в школах в хрестоматии включают Юрия Казакова, равно ушедшего блистательного классика. Его рядом с Тургеневым — Толстым печатают. Вот это отношение к культуре нации! А когда люди не уважают самих себя, то и царство рушится, как говорит Окуджава. Вот и все. — Все ли? — Практически, конечно, все эти перемены подготовила интеллигенция, безусловно, через литературу. Потому что в России все начинается с литературы, и так всегда будет луть. Это сейчас кажется, что литература утратила свое общественное значение. Уже сколько времени, уже довольно долго у нас не появилось ни одного романа, ни большой поэмы, которые бы стали национальным событием. Может быть, кое-что проморгали. У меня, честно говоря, самые оптимистические прогнозы. — Просто чувствуется, что сейчас есть необходимость появления великих писателей, в том числе и поэтов. — А вам приходится задумываться о своем месте среди поэтов: я вот там-то и там-то... — Ну я не знаю, честно, как вам сказать. Но, думаю, если положить руку на сердце, не вижу в обозримом будущем антологий русской поэзии, составленных даже самым безоглядным моим противником, в которой не будет моих стихов.

«Нас мало, нас, может быть, четверо»

— Та пледа, с которой вы начинали, они все, по-вашему, сохранили свое реноме? — Ну что такое реноме? — В данном случае намекаю на то, что вы недавно печатно похоснули одного соратника вашей боевой юности. — Ну что значит похоснул? Пошто я сейчас делаю передачу «Поэт в России больше, чем поэт». Это единственное во всем мире поэтическое, ну, условно говоря, шоу на телевидении. Я туда включал поэтов независимо от того, как я к ним отношусь. Недавно делал передачу о Вознесенском. Отношения у меня с ним, конечно, очень усложнились, к несчастью. По двум причинам. Первое. Потому что мне давно уже не нравятся его стихи и мне о ч е н ь не нравятся все его стихи, которые он посвящает на чью-нибудь смерть. — А во-вторых?

«Нас мало, нас, может быть, четверо»

— Да, в этом несчастье политики. Мы все, конечно, недовольны, во всех странах все недовольны своими правительствами, политиками, везде все воротит, и в Америке все то же самое. Когда садятся люди, интеллигенты, за стол, то, конечно, они ругают свое правительство, ругают налоги, экономическую политику. Но в этом есть какой-то замкнутый круг. Потому что сначала многие умные люди не хотят идти в политику, стоят в стороне, и вакуум заполняется людьми не очень талантливыми в других областях. — Видите альтернативы? — Людям нужны какие-то ясные формулировки. Я не имею в виду клетку идеологическую, в которую надо загнать народ опять. Но должен быть хотя бы какой-то абрис, рисунок, набросок, пусть гибкий, меняющийся, но набросок движения к будущему. — А кто это должен сделать? — Общество в целом. Конечно, я понимаю это не так примитивно: создавать какая-то команда, им поручается, они радятся. Это общество в целом вырабатывает. — Все же: кто часто говорит по делу? — У Окуджавы в последней его книжечке есть очень много мудрых советов, таких, как я сказал, советов казказского старца, который на некой вершине сидит и там не то чтобы пророчесствует (он никогда не разыгрывал из себя мессию, это мне было свойственно в ранней юности), но... Там есть очень точное одно стихотворение о том, что царства распадаются тогда, когда люди теряют уважение к самим себе. Нельзя, с одной стороны, стучать одной рукой по столу и

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».

Б. Пастернак, 3 мая 1959.

«Дорогой Женя, Евгений Александрович, Вы сегодня читали у нас и трогали меня и многих собравшихся до слез доказательством своего таланта. Я уверен в Вашем светлом будущем. Желаю Вам в дальнейшем таких же удач, чтобы задуманное воплощалось у Вас в окончательных, исчерпывающих формах и освобождало место для последующих замыслов. Растите и развивайтесь».